

1 ***

На краю комнаты безымянного города,
где пахнет сыростью и обоями,
млеет тело от холодного олова,
млеет тело внезапными перебоями.

Кипятком или жгучими прутьями

не убрать.

Не забыть.

И не кончится.

Всё пробито сотнями пулями
от свинцового одиночества.

Давит воздух и свет ранимый
в тень укутается и забудет,
что в груди сохнет сад из сливы
и его может кто-то любит.

Ноги иглами.

Руки в сторону.

Под прицелом дешёвого радио.

Сердце может забьётся по-новому
с живой и измученной ссадиной.

Провалившись под простынь от чая,
под оконные перегородки,
веки скроются в дивной печали
в однокомнатной остановке.

Среди стен и шелеста кожи,
сквозь изящные линии света.

Мы, возможно, с тобой похожи.

Люди черно-белого лета.

Мы, возможно, с тобой похожи.

Люди черно-белого лета.

2.

Выцветаю.

Вырыл ногтями яму,
лёг и сгнил.

Покрылось поле цветами.

Улетаю

туда,

где не описать словами
воспоминания,

что покрылись шипами.

В печали,

одеждой в бетонном квадрате,

упал.

Фонари замолчали.

Тишиной растворился.

Ей стал.

Пожимаю плечами
все зёрна пустынных полей,
что не замечают,

как и меня.

Тлею тихо свечами,
а те выцветают.

Молчат.

Шёпотом стены проникают в сознание —
это длится ночами.

Мысли копят оскал,
мысли стали мечами,

а их тяжелый металл
прорастает во мне
в каждый атом
совсем не случайно.

Всё, что было, уже отдал.
Всё, что будет, отдам с лучами.

Прощай.

Я съеден молью, будучи просто вещами
из обещаний —
просто быть,

но мои реки давно обнищали.

По ним не уплыть
к прекрасным местам
священных скрижалей.

Как жаль,
но у жалости нет сил
и времени для вещаний.

Прощай.

Я испарюсь
и зимой первым снегом растаю.

В недрах промёрзшей земли
каплей усну,

и каплю оставляю

в себе.

Каждый год весной прорастая,
врастая в корни себя,
в корни своего мироздания.

Исчезаю,
памятью выгрызая
тот миг,
когда я встретил тебя —

моё преступление и моё наказание.

И вращая в стебли своих оков,
цветами украшая «сейчас»,
я покину тот мир,
где не догорит ни одна свеча
дотла.

Прощай.

3. «à côté»

Крупницами, да ресницами,
да кистью всей, пальцами,
прикоснуться бы, прислониться бы
да прижаться бы.
И зарыться бы
частицами
под ключицами алыми,
поцелуями тальными
раствориться бы.
Мало мне!
Мало мне
быть зарницами
и быть каплями
на зеницах твоих
цвета яблони,
мне бы виться
птицами стаями,
разрастись грибницами старыми
по всей коже твоей белой, мраморной
утопиться бы,
мало мне...
Мало мне
касаться взглядами малыми,
словами да планами.
Мне лежать бы с тобой
под сотнями одеялами,
растворяться деталями,
родинками, сигналами,
ямочками, овалами,
языческими ритуалами,
нежностью и сериалами.
Мало мне.
Мало мне быть просто рядом.
Я хочу проснуться на мятом,

быть страстью и водопадом,
быть полностью тобою смятым,
чувствовать каждый атом,
быть единственным адресатом,
быть любовником, и быть ядом,
самым сильным разрядом.

Мало мне...

мало мне «просто рядом».

4.

Цепь — звено, след людской натуги,
мыслью изъятый молотом к наковальне,
и натура проста в избитом металлическом круге,
что последовательность в человеке — Альпы,
материк, хребет, позвоночник суммы
всех дел, не прижатых ленью к лопаткам, что приводит из связи событий в думы, к творению, к
покою и факту.

А покой не вершина, покой в реке
безмятежно шумящей в направлении простоты
движений; ведь всё дело и суть в руке,
во взмахе художника, в жизненных целях, требующих свершений.
И звено, величавое молотом кузнеца,
закрепит стальной управой задачи, что были до
в причинный круг, состоящий из пользы дня, в котором всё сущее велико, мой друг, и оно готово к
отдаче.

Потому раскалённым сердцем тревожь весь сплав, топи его, заливая форму кольца, и бей
молотом воли, усердия и труда, разрушая нрав, форма которого без дверей,
а так — постоянный двор, гость которого вес, возложенный временем, пустотой и бессилием.
Потому бей! Звени! Искри! Пусть зажжется дремучий лес переменами в твоём изобилии
изменить, поменять в неразрывный контакт,
избегая кощунство, притворства и собственный вымысел, во что-то своё, что горит, как звезда,
делая день для тебя не бессмысленным.

И как ночь формирует день, ты формируй себя сквозь горечь падения, зависти тень и
нескончаемые неудачи. Будь ярче любого бриллианта. Сияй! И не жди от других подачи. Ты
справишься сам. Искренне верю.

Твой друг, что желает удачи.

5.

Забыл себя. Исток свой, точку Я.
Всё в нескончаемом беге за.
Плетусь. Бреду. Будто свинья
клыком скребу, где мокрая земля.
Я весь в земле. Будто червяк.
Ем. Сплю. Делюсь на части. Мрак
укутает меня от рта до пят.
Не вижу ничего. Ослеп. Иссяк
мой свет — внутри он скис, погас.
Такое, в целом, не в первый раз.
И всё не то, и все не те,
я будто неподвижен в темноте.
Меня сковал невидимой петлей,
мой чахлый разум. Теперь немой
тянусь вперёд, не зная сам
что впереди, но как баран,
пытаюсь встать. Идти! Идти!
Рву сети, цепи, кандалы.
Ругаюсь, злюсь, рычу, ору,
где-то внутри, что не могу.
Но понимаю я, не слышен мой
пронзительный и жуткий вой.
Поник. Угас. Нет сил. Устал.
Не знаю я кем был. Кем стал.
Отчаялся. Всё отпустил.
И понял — больше нету сил.
Пора принять ту часть, что есть.
В земле лежать.
И землю есть.

6. «ex pluribus unum (с лат. из многих единое)»

Я был орлом, рассекающим небеса,
как и мышкой, лежащей в поле.
Я был деревом, формируя леса,
и был растением в чьём-то декоре.

Я был пчелой, что несла всё в дом,
и крылаткой, что прячется в море.
Я был одиноким большим китом
и мелкой пыльцой на крыле у моли.

Я был леопардом, бегущим вдаль,
и был черепахой, спящей сутки.

Я был муравьём, несущим миндаль,
и был червяком — обедом для утки.

Я был под землёй и над землёй тоже,
и в нынешнем, в прошлом и в будущем был.
Я был незначительным, почти что ничтожным,
и был самым значимым из светил.

И до всех планет, и до всех галактик,
во всех водородах частично я жил.
Во время разрыва, во всеобщем контакте,
сущее, бог, меня проявил.

И в каждой песчинке я жил умирая.
Рождался. Рождался. И снова, опять.
Сквозь время, пространство, того не желая,
я хотел одного — лишь тебя отыскать.

И будучи розой, и будучи снегом,
и в каждом луче, что касался тебя.
Я был среди звёзд, я был твоим эхом,
я был лишь твоим, а ты — лишь моя.

7. «Vene omnia erunt (с лат. всё будет в порядке)»

Не волнуйся, всё будет в порядке.
Ты снова научишься спать одна.
Забудешь меня в своём распорядке
бесконечно сменяющегося дня.
Полюбишь другого: богаче и лучше,
он будет ценить в тебе каждый дюйм.
А со мной пусть будут связаны тучи,
дождь, грозы, прогулки и легкий парфюм.
Не лей больше слёз, и тем более сердце
не тревожь, вспоминая моё лицо.
Ты сможешь в объятьях другого согреться
и сможешь быть полностью чьим-то теплом.
Но не моим. Уже точно не будешь
греть свою руку, в мой пряча карман.
И не увидишь, когда вдруг разбудишь,
как я смотрю на тебя по утрам.
Ты не сможешь со мной смотреть вечерами
сериалы и фильмы, смеясь от всего.
Ты не сможешь со мной. Но сможешь с другими.
Я знаю. Я верю. Всем телом. Душой.
Ты сможешь любить, тебя возьмут в жёны

и будет ребёнок, домашний уют.
И с дачи укроп на газете сушенный,
и дома что-нибудь разобьют.
И школа, уроки. И поездка на море.
И внутренний голос, что приносит покой.
И поцелуй при первой же ссоре.
И игры в семье с белоснежной мукой.
Всё будет отлично, всё будет в порядке,
ты снова научишься высыпаться одна.
И жизнь проживешь без единой оглядки,
где в прошлом твоём остался лишь я.

8.

Пепел небесный в облаках из вязкой трясины
над обрывом глубинным в смолистых тенях
несёт в непроглядную глазом темень пучины
жёлтую хризантему, сорвавшуюся в полях.

Треск металлических лепестков об вихри,
свист ветра об лопасти винтовых стеблей
вонзились в кожу и мышцы, да прямо в жилы,
пробуждая весь страх по промёрзшей спине.
Уносят потоки то влево, то в гиблое право,
петлёй мотыляя, выбросит в пасть воды.

Прибьёт к берегу.
Может случай, а может дьявол.
Камни согреют тело, не тронув и миг души.

Отпрянув глазами сумрак, открыв лезвие век,
страж, пробудивший искомый давно рассудок,
мгновением искажённым был в пёстрой траве,
а теперь он здесь, не считая проживших суток,
в компании томных камней и необузданных волн,
среди лесных в дали пейзажей.

Стоя в песке,
губами смолк и, не слушая ног, вдруг пошёл
вдоль берега, теряя голову в затуманенной саже.

Безымянный простор абсолютно холодных краёв
изводит мысли, будто гнут плетью зверей.
Паника. Дрожь. И не видно гремучих слёз,
только шаг, выкованный в сыпучей земле.

Детский смех.

Хрусталь в белоснежном поотдаль.
Бархат ступней её порхает по хмурым камням.
Собирая в ладонь дикой заводи море ракушек,
плетёт ожерелье — дремучий морской маяк.

Оглушённый приливами, видевший в мраке свет,
взглядом своим желает у ангела вымолить
на тот искомый пламень сердца простой ответ:
какой у пути его звон долгого имени.
И, ступая по галькам, только подняв плечо,
боль скрутила, окрасив ладони в багровый цвет.

Пойман взгляд, сразивший хрусталь мечом,
что чище кристаллов, да спокойнее рек.

Пересилив все раны, касаясь воды, он встал,
обезумевши шёл к ней, ступая по голым дебрям.
То к утёсу, то к ветвям, словно в мире зеркал,
потеряв голову, бродит, того сам не заметив.
Алым окрасив весь пройденный путь по следам,
к маяку в белоснежном сквозь миры пробирался.
Он нашёл или может он потерялся сам?
В проливы любые диким криком бросался.

Безгранично живой, идущий за нею вслед,
вечно рядом. Не близко, как желало бы сердце.
Шаг постепенно сменяется в жертвенный бег —
она манит и держит. Ему некуда деться.

Пропадая в тумане и хладе ушедшего дня,
исчезает. Страж падает на промёрзшие камни.
Умирает памятью маяка. Не от раны, а от хрусталя,
что засел в груди глубоко и ранит.

Стоны.

Агония.

Возвращается снова в моменты:
когда он летел, то видел огромный сад;
зелень, кроны, живых деревьев фрагменты;
как он теплом верного леса объят.

А сейчас над храмом его брэнной души
стоят безымянные, безмолвно со всем общаясь.
Решают: нужно ли над безумием обряд провести.

Всю делему к небу старики обращают.

Кожа исчерчена рунами — полубоги забытых дней,
травы в ступе измельчают под раскат погоды.
Тлеют срезанные ритуальным ножом листья морей.
В дымчатом сне видят блик на фоне знакомой природы.

Молния бьёт, а губы уходят в забытый пляс,
искры разносит забушевавший внезапно ветер.
Страж кровью отравлен и разума гулом увяз.
Час уходит. Уходит в небесной застывший пепел.

Старцы смотрят. Все звёзды сошлись на нём.
Белый хрусталь — луч солнца, распустившийся веер —
доделав маяк из ракушек собранных этим днём,
одарит, оставшись камнями на холодной шеи.

Глаза бушующих волн в раскаты морского грома
уйдут, оставляя старейшинам только взгляд
бездонного, светлого, хрустально чистого водоёма.
Уйдут, всё сказав, не проронив ни слова.

Непроглядная синь. Древесная лодка. Туман.
Очнувшись, страж понял, что плывёт в неизвестность.
Что всё то, что так долго мучительно он искал,
— это хрусталь. Её неописуемую нежность.

Луна в шар обратится, а он в горький нуар,
в ту темень пучины, летевши к ней хризантемой.
Страж сердцем чувствовал, но ничего не знал.

Старейшины встали на фон искажённо белый.
Взгляд.
Шаг.
Их тела провалились в подводный эфир.
Забирает к себе полубогов спокойная глубина.

Лодка.
Луна.
И покинутый всеми мир.
Он исчез, как исчезла она.

В туман.